

Пенчо
СЛАВЕЙКОВ

Известный болгарский поэт конца XIX — начала XX века Пенчо Славейков оставил немало статей, посвященных мастерам европейской культуры. Среди этих статей три — о Пушкине: «Тайная грусть поэта», «Пушкин в Болгарии» и «Пушкин как национальный поэт». Последняя написана к столетию со дня рождения великого русского поэта и является своеобразным «белым пятном» в Пушкиниане, она практически неизвестна советскому читателю.

А эти апостолы идут по пути, проложенному Пушкиным, говорят языком, созданным Пушкиным.

«Не для житейского волнения, не для корысти, не для битв, мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв». «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, и в мой жестокий рок восславил я свободу...» Так исповедуется сам Пушкин в гордом сознании своей миссии как человека и художника. Его добрый гений не позволил ему погрязнуть в заботах дня, посвятить свою лиру недозволительному реву современности, и хотя он отдал дань своему времени, но сумел удержаться на той высоте, на которую лишь немногие избранные, лишь могучие духом представители человечества могут подняться. Он родился и жил в эпоху духовного пробуждения своей нации, великие задачи которой в будущем он постиг и провозвестником которых стал — провозвестником того, к чему стремятся самые выдающиеся сыны нации. После Петра

Таков великий поэт, день рождения которого празднуют русские. Основные элементы его поэзии — отражение основных элементов национального духа. Первый из этих элементов — человечность, отзывчивость и то сочувствие радостям и страданиям человеческим, которые вообще присущи душе славянина. Эта душа менее всего подвержена вспышкам грубого эгоизма, столь свойственного германской расе, или кичливой аффектации, столь характерной для романской. Отзывчивость и сочувствие славянина к чужому доходит до самозабвения, до полного пренебрежения своим «я». Это можно ясно установить по общему характеру культурного развития в России, как в значительной степени и других народностях славянского племени. Это становится очевидным и при сопоставлении, например, таких художников, как Шекспир или Гёте, с Пушкиным; что бы они ни воссоздавали в своих творениях — на Восток ли или в Грецию и Рим уносит их могучее воображение, —

ПУШКИН КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЭТ

Великого в Пушкине русский народ впервые увидел олицетворение своей духовной энергии.

Мотивы его творчества — общечеловеческие чувства, стремления и настроения. Он жрец любви, певец добрых чувств, борец за свободный разум. Его слова о том, что он рожден не для битв, нельзя оценивать по понятиям какого-нибудь публициста Писарева, узкомыслящего борца за сиюминутные интересы, эти слова поэта — всего лишь протест против той черни среди современников, которым не дако видеть свет будущего и которые, суетясь в тумане будничных битв, желали бы, чтобы и тот, кто возвышается над ними, валялся в той же грязи, что и они. Он борец в великих битвах сознания своей нации, в тех битвах, что ведутся великими мыслителями и художниками. Как воины вслед за своим вождем, за ними следуют другие борцы, чье внимание поглощено только подробностями, частностями битвы, — общее, его смысл и дух — это дело вождя, великого мыслителя, великого художника.

Это и отличает одного от множества, гения от толпы. В толпе есть и даровитые певцы и борцы, они хватаются за отдельное, то, что для них, в их глазах и для их задачи самое важное, самое главное... Частности, подробности имеют второстепенное значение для великого художника. В своих творениях он отводит соответствующее им место, располагает их так, чтобы выделялось из них то общее, единственное, что и им придает значение. В том, что он берется изображать, его интересуют главным образом те основные элементы, в которых яснее всего проступает сущность вещей, их индивидуальные или типичные особенности. Его внимание всецело поглощено тем основным чувством, которое пробудило его душевную энергию... Вот почему великие художники воссоздают простое, не тратя свою душевную мощь на эффектные и многозначительные выдумки, и говорят просто (но, прошу прощения, не простовато!), так, чтобы каждый и в любое время мог их понять. Таковы Гомер, Шекспир, Гёте, Пушкин, Толстой и все великие художники слова, которые думают о том, что говорят, в отличие от суетливого полчища писателей и поэтов, довольствующихся одними вымыслами или весь свой век мудрствующих лукаво над тем, что интересует их одних и не представляет особого интереса для других. Ценная особенность великих художников также — гармоничность их натуры, тот дух единства, который сияет над жизнью, над всеми их делами, как солнце над Божьим миром. Куда бы ни проникали его лучи, они всегда одинаковы, они всюду несут свет и жизнь. Эта гармоничность натуры великих художников есть отражение гармоничности натуры нации, высшими представителями которой они являются, натуры, чьи проявления, сколь бы разнообразными они ни были, всегда находятся в гармонии.

«Живые мощи», «Смерть», «Три смерти», «Тишина», «В деревне» и других, произведений, эпиграфом к которым можно было бы поставить пушкинские слова:

Владыко дже! моих!

Дух праздности унылой,

*Любоначала, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.*

Но дай мне зреть мои,

о Боже, где же гешенья.

Да брат мой

от меня не примет осужденья

И дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи.

Дух смирения, терпения, любви и духовной свободы — вот заветы, которые Пушкин принял от своего народа и оставил своим ученикам, певцам той земли, которую, по словам одного из них,

*В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

И эта земля, и борцы за ее национальное сознание не забудут своего великого учителя, пророка тех бесценных и вечных элементов в духе этого народа, которые в наши дни выдвигают его на первое место в мировой культурной жизни.

Эти два основных элемента творчества Пушкина — проникновение в иностранное с симпатией и отзывчивостью, кроткая религиозность, пронизывающая душевные настроения, — соединенные индивидуальным пушкинским мироощущением, рождают особый идеализм, в котором и состоит главное значение Пушкина как национального поэта. Это три главных элемента, на которых основывается его значение как национального поэта, а именно в силу того, что он столь национален, занимает место и в ряду представителей человечества, творцов о с о б о г о мира — мира искусства, управляемого по законам, основной принцип которых, по выражению Толстого, — ум сердца.

Но пристало ли и вряд ли нужно распространяться тут и о других элементах творчества Пушкина, чтобы осветить вопрос о его национальном значении. Только на одно я хотел бы в заключение обратить внимание — на его язык. При сравнении пушкинского художественного языка с языком других русских художников слова — его предшественников — становится ясен смысл восклицания Батюшкова: «Подлец, как он стал писать!». И другие писатели писали до него по-русски, и писали даже превосходно, но Пушкин первый инстинктом своего гения постиг дух народного языка и, руководствуясь своим художественным вкусом, сумел создать из него самое сильное средство для успеха в борьбе за национальное самосознание, борьбе, которой руководят великие мыслители и художники... Только там, где художники слова создали язык, только там можно услышать и такие вдохновенные слова, как тургеневские: «Со дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!».

Перевод М. ТАРАСОВОЙ

Зачем он звучно так поет?
Чему нас учит?

Пушкин

ВСЯ РОССИЯ празднует день рождения своего великого художника слова. Это не обычный литературный праздник, это праздник национального сознания стомиллионного народа, который в ряду цивилизованных народов занимает почетное место благодаря особенностям своей духовной культуры. Сегодня уже не парадокс варьируемая различными русскими мыслителями и художниками мысль о том, что русский народ обладает духовными силами, проявление которых охажет возродительное воздействие и на другие, духовно более развитые народы. Возрождение литературы в Норвегии, Франции, Италии, Германии свидетельствует об этом мощном воздействии: то, что в этих литературах называется «модерном» и представителями чего являются Ибсен и Бьёрнсон, Бурже и Гюисманс, Д'Аннунцио, Гауптман и Зудерман, есть плод откровений русского духа. Его духовные отцы — Тургенев, Достоевский, Толстой — апостолы общественной совести.

